
М. Г. АХМЕДОВА

СООТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ Е. В. ДЕ-РОБЕРТИ*

В данной статье исследован вопрос о соотношениях философии и науки в контексте рассмотрения взглядов родоначальника неопозитивизма в российской философской науке, важность решения которой обуславливается созданием научной философии. Представляет интерес решение Е. В. Де-Роберти вопроса о соотношении философии и науки, который до сих пор актуален для современной философской мысли. Исследование взглядов Де-Роберти на проблему соотношения философии и науки позволило автору не только показать позитивные моменты, к которым по праву можно отнести требование научного построения философии, но и констатировать недооценку ученых роли философии в развитии науки.

Ключевые слова: философия, история философии, наука, позитивизм.

This article examines the question of the relationship between philosophy and science, in the context of considering the views of the founder of neopositivism in Russian philosophical science, the importance of the solution of which is conditioned by the creation of scientific philosophy. The solution to the problem of the relationship between philosophy and science developed by Evgeny V. De Roberti is of interest since this problem is still relevant for modern philosophical thought. The study of De Roberti's views on the problem of the relationship between philosophy and science allowed the author to show not only the positive aspects, which can rightly include the requirement of scientific construction of philosophy, but also to state the underestimation of the role of philosophy in the development of science by scientists.

Keywords: philosophy, history of philosophy, science, positivism.

* **Для цитирования:** Ахмедова М. Г. Соотношение философии и науки в социально-философских воззрениях Е. В. Де-Роберти // Философия и общество. 2023. № 3. С. 68–80. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.04.

For citation: Akhmedova M. G. The Correlation between Philosophy and Science in the Socio-Philosophical Views of Evgeny V. De-Roberti // *Filosofiya i obshchestvo* = Philosophy and Society. 2023. No. 3. Pp. 68–80. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.04 (in Russian).

Философия и общество, № 3 2023 68–80

DOI: 10.30884/jfio/2023.03.04

Вопрос о соотношении философии и науки, а тем более науки и философии возник в истории философии значительно позднее, чем эти отношения реально сложились в том или ином виде. Уже на заре эпохи эллинизма выделение специальных наук из не расчлененного прежде философского лона вызвало к жизни проблему взаимовлияния астрономии, математики, зоологии, медицины, с одной стороны, и философии – с другой. Утверждение феодализма принесло с собой угнетение науки на целый ряд веков.

В XVI–XVII вв., когда наука восстала против религии, все прогрессивные ученые-философы в той или иной мере стали на сторону первой. Защита ими прав и достоинств науки приняла форму борьбы новаторской философии против философии средневекового традиционализма. Но затем идеалистическая философия Нового времени снова развернула борьбу против науки, претендуя на то, чтобы подчинить ее себе и диктовать догматические законоположения. Однако остановить развитие науки не удалось, и последняя из всеобщих систем идеалистического философствования (в наиболее законченном виде созданная Г. Гегелем) была разрушена под напором прогресса научного знания.

Такое противопоставление становится предметом систематических обсуждений со второй половины XIX в., хотя отдельные мыслители формулировали его значительно раньше*. Именно к концу XIX в. стали обнаруживаться различные социально-культурные функции философии и науки, а вместе с ними и различие соответствующих типов знания. В связи с этим необходимо отметить, что в русской философской мысли отражались с большей или меньшей полнотой и ясностью все сколько-нибудь значительные философские движения, получившие развитие на Западе в прошлом столетии. Философская доктрина, будучи перенесенной с Запада в Россию, приобретала собственных последователей, которые популяризировали ее, комментировали, спешили вынести из нее те или иные практические выводы.

Позитивизм становился философским кредо не одних ученых, он подчинял своему влиянию широкие круги русского общества. Известно, что позитивизм изображает отпочкование отдельных наук от философии как преодоление последней и переход от философии, якобы ненаучной по своей природе, к положительному (по-

* В частности, оно нашло достаточно резкое выражение у Б. Паскаля, вокруг нее, по сути, строилась вся философия С. Кьеркегора.

зитивному) научному знанию. С точки зрения позитивистов, в ходе исторического процесса отпочкования от философии положительных наук она теряет свой специфический предмет: все, чем философия занималась раньше, становится достоянием специальных наук, и философам в лучшем случае остается лишь изучение самой науки, теории научного знания.

Позитивистские концепции отрицают значение философии как мировоззрения, возможность и необходимость научного мировоззрения вообще, выбрасывая его тем самым за борт как некий исторический анахронизм. На деле, однако, под видом отрицания философии позитивизм проповедует агностицизм и субъективный идеализм. «Эта антиметафизическая тенденция не мешает часто тому, что “во имя науки” утверждается явно метафизический материализм, но внутреннее взаимоотяготение материализма и позитивизма есть ведь явление повсеместное» [Зеньковский 1991: 7].

В противовес позитивистскому взгляду необходимо подчеркнуть, что отпочкование от философии определенных вопросов не приводит, конечно, к исчезновению ее содержания, к потере ею предмета исследования. Наоборот, философия, занимаясь уже объяснением отдельных явлений, отдельных форм движения материи, все более и более становится научным мировоззрением в собственном смысле этого слова. Таковы общие черты позитивизма.

Позитивистские воззрения в России нашли свое продолжение в творчестве одного из значительных представителей русской позитивистской школы Е. В. Де-Роберти. Не останавливаясь на констатации идей классического позитивизма О. Конта, научная мысль Де-Роберти открыла новый этап непозитивистской философии. Основным проблемным, предметным полем социальной философии ученого стал вопрос о соотношении философии и науки.

Понятие философии у Е. В. Де-Роберти имеет несколько значений. В одном случае философия отождествляется с мирозерцанием. «Мирозерцание каждой эпохи, как в зеркале, отражается в философии, господствовавшей в эту эпоху» [Де-Роберти 1875: 29]. Но в таком случае что представляет собой мирозерцание? Последнее, согласно Де-Роберти, составляет совокупность представлений о природе, человеке, окружающей среде и т. д. Мирозерцание, на его взгляд, слагается из двух параллельных друг другу составных частей: из того, что уже известно, и того, что еще неизвестно. Следовательно, одну сторону мирозерцания составляют научные данные, другую представляет элемент, вечно колеблю-

щийся, зависящий от личного усмотрения. Философия, в свою очередь, отождествляющаяся у Е. В. Де-Роберти с мирозерцанием, содержит в себе обе составные части мирозерцания. Но заметим, что первая из этих составных частей, по его мнению, есть не что иное, как наука. Таким образом, философия для русского ученого выступает как совокупность научных и в то же время ненаучных данных. Если в данном случае понятие философии характеризуется Е. В. Де-Роберти в широком смысле слова как мирозерцание, то в более ограниченном смысле оно неизбежно сливается с понятием той составной части всякого мирозерцания, которое стоит вне науки и может быть охарактеризовано как переменчивый остаток, не анализированный наукой. Эта часть «всякой философии», считал Де-Роберти, накладывает отпечаток на всю философию. Поэтому только она одна и называется философией. В другом случае Де-Роберти дает более узкое определение философии. «Философия, в строгом или в тесном смысле слова, есть умственная формация, принадлежащая будущему, есть общая высшая систематизация всех наших концептов» [Де-Роберти 1915: 153].

История философской мысли воспроизводит перед нами много различных взглядов на значение философии, но все они имеют одну общую черту. Она состоит в том, что понятие философии определялось всегда в связи с понятием науки, ибо они ставились в то или другое отношение к более общему понятию знания.

Характерной особенностью Е. В. Де-Роберти было то, что он сознательно противопоставлял философию науке, причем уже заранее принимая, что сама философия есть особая отрасль человеческого знания, которая не может быть названа наукой. «Наука может быть не только выделена из философии как понятие, но может быть даже противопоставлена ей» [Его же 1875: 20]. В качестве аргумента русский мыслитель выдвигает положение о том, что в отличие от частных наук философия оперирует понятиями и принципами, которые нельзя проверить и доказать их истинность, ибо они обладают предельной общностью, что составляет отличительную особенность данного вида знания. «Философия могла быть только миропониманием или мирозерцанием. А наука в свою очередь – это и есть сама философия. В науке всегда была скрыта возможность будущего миропонимания, или будущей философии» [Его же 1887: 425].

Основное отличие науки от философии Е. В. Де-Роберти видел в том, что первая объясняла отдельные части обширного целого,

а вторая в свою очередь охватывала изучение неизвестного мирового итога. «Это коренное различие в приемах проходит через всю историю наук и философских систем и в этом главным образом и выразилась преждевременность отделения от древа специального знания незрелых плодов философии, которая только такой ценой и могла приобрести внешний вид самостоятельности» [Де-Роберти 1887: 425]. Именно эту фазу развития философии Де-Роберти характеризовал как «мнимую независимость ее от науки». Следовательно, «постоянное отношение» (то есть отношение философии и науки) заключается в том, что «эволюция социальных наук предшествует эволюции философских систем» [Там же: 425]; другими словами, наука и ее развитие есть социологическая причина, а философия – социологическое следствие.

Вывод Е. В. Де-Роберти заключается в том, что не частные науки отмежевались от философии, а философия отходила от наук.

Де-Роберти, несомненно, признавал влияние, действие господствующего миропонимания на характер преобладающих в специальных науках понятий. Но это есть условное влияние, так как философия отдает науке лишь то, что сама от нее получила, и поэтому такое влияние является «отраженным». Развитие науки, согласно Де-Роберти, находилось в зависимости от множества факторов, в числе которых различные миропонимания (материализм, идеализм, сенсуализм) занимают во всяком случае второстепенное место. Главным двигателем выступает специальный метод, который вырабатывается каждой наукой своими собственными средствами.

С «чисто социологической» точки зрения Е. В. Де-Роберти, между наукой и философией должен был установиться обмен воззрений, гипотез. Будучи продуктами общественного развития, философия и наука не могли не влиять друг на друга непосредственно через нравы, обычаи, традиции, язык и т. д. Не отрицая связи между наукой и философией, Де-Роберти, однако, не показывает прямое руководящее направление с той или другой стороны. На его взгляд, философия не могла делиться с наукой ни своим содержанием, ибо ее гипотезы были сами специального происхождения, ни своим методом, ибо последний был лишь «искажением научных способов открытия истины». С другой стороны, роль науки в деле философии ограничивалась двумя основными факторами. Во-первых, согласно мнению русского ученого, наука совершенно пассивно делилась своим содержанием со всеми отраслями человеческой мысли и деятельности, в том числе и с философией. И, во-

вторых, научные данные, переходя в философию, тем самым разрывали свою прежнюю связь с наукой. Судьба этих данных в философии зависела уже не столько от дальнейших успехов этой области знания, сколько от первоначальных условий, при которых эти научные данные как бы раз и навсегда становились достоянием «спекулятивного ума». Как мы видим, на взгляд Е. В. Де-Роберти, наблюдалось одностороннее влияние со стороны науки на философию.

История развития научного знания свидетельствует, что в рамках единого философского знания на определенном этапе развития происходил процесс отмежевания одного вида знания от другого, но это вовсе не означает прекращение дальнейшего существования философии. Напротив, взаимовлияние различных форм знания не прерывалось, а усиливалось, и в этом особая роль принадлежит философии. По мнению В. И. Вернадского, «никогда не наблюдали мы до сих пор в истории человечества науки без философии, и, изучая историю научного мышления, мы видим, что философские концепции и философские идеи входят как необходимый, всепроникающий в науку элемент во все время ее существования» [Вернадский 1990: 186].

В отличие от большинства историков философии Е. В. Де-Роберти во главу исследования проблемы соотношения философии и науки ставил ряд положительных наук. Первым плодом его поисков в этом направлении была уже известная нам классификация философских систем (материализм, идеализм, сенсуализм), которая в свою очередь тесно примыкает к классификации наук, принятой позитивной школой. Но классификация наук не основана на одной почве с классификацией философских систем, выдвинутой Е. В. Де-Роберти. И в этом смысле первая совершенно независима от второй. Тем не менее деления классификации наук соответствуют главным ступеням иерархической лестницы отвлеченного знания [Де-Роберти 1887: 248]. Существенное отличие классификации философских систем от классификации наук Де-Роберти видел в отсутствии последовательных ступеней развития философских систем, наличии в ней одновременных явлений. Параллельное изучение обоих рядов – ряда наук и ряда философских систем – позволит, считал исследователь, выявить условия, влияющие на развитие философии. Отсутствие научного объяснения обширных категорий явлений, по его мнению, порождало и поддерживало существование философии, ибо последняя с большим успехом оперировала

ненаучными данными. Отличительной ее особенностью являлось то, что она не зависела от специальных наук.

Для чего же было необходимо такое сопоставление и параллельное изучение обеих классификаций – ряда наук и ряда форм метафизики? Е. В. Де-Роберти считал, что ни одна из этих двух классификаций в отдельности не может привести к открытию условий, влияющих на развитие прежней философии. Его задача состояла в том, чтобы перейти от «социологической теории» к «социологическому применению», что позволило бы правильно поставить вопрос о будущей философии. Другой важной задачей было показать, каково взаимовлияние науки и философии, как шел процесс их развития. Третьей особенностью данного вопроса было создание философии наук.

Известно, что О. Конт, показывая последовательную смену трех фаз умственного развития, обходит вопрос о причинном отношении между двумя группами явлений: состоянием философских и научных понятий в каждую эпоху. В российской позитивистской философии были предложены несколько подходов. Согласно одному взгляду, анализ «прошедшей философии» считался главной социологической задачей, определяющей состояние науки. Следующая точка зрения характеризует обе группы явлений и ставит их в тесную зависимость от новой группы или от фактора психологического, признаваемого общей причиной. Наконец, третья гипотеза открывает прямо обратное отношение между развитием науки и развитием философии [Грот 1883: 27].

Признавая историческую достоверность факта, лежащего в основе закона О. Конта, Е. В. Де-Роберти отверг идею о преобладающем влиянии философии на другие специальные науки. Он относил себя к сторонникам третьего объяснения, заключающегося в признании за состоянием наук всех свойств преобладающей причины, а за философией – характера необходимого следствия. Большинство представителей позитивистской школы настаивали на первых двух точках зрения. Сам О. Конт не отдавал ни одной из трех гипотез решительного предпочтения. В своем знаменитом законе о трех стадиях умственного развития человечества он, как известно, пытался показать прямую зависимость состояний научных понятий от исторического состояния стадий развития философии. Научные понятия и возникающие на их основе науки проходят через известные три фазы: теологическую, затем метафизическую и, наконец, стадию положительной мысли. О. Конт утверждал, что

наука в своем поиске истины последовательно руководствуется тремя основными гипотезами, имеющими философский характер. Именно это толкование закона трех состояний и представлялось для Е. В. Де-Роберти более всего ошибочным ввиду того, что оно было основано на наблюдении одних внешних, поверхностных признаков явлений. О. Конт видел «в философской мысли, – как подчеркивал Де-Роберти, – первую причину, приводящую в движение мысль научную, то есть, другими словами, приписывает философии в области знания ту роль, какую она в действительности играет лишь по отношению к остальным фактам культуры» [Де-Роберти 1915: 173].

В терминологию закона трех состояний О. Конта Е. В. Де-Роберти внес некоторые поправки. Термины «теологический», «метафизический» должны служить, по его мнению, характеристикой философских воззрений, а не научных понятий. «Последние, как бы положительны они ни были в данную эпоху, не могут быть одновременно научными и теологическими или метафизическими» [Там же: 271]. Подобная терминология соответствует взгляду, для которого состояние науки обуславливается состоянием философии и обе группы явлений равномерно изменяются. Но это не соответствовало позиции по данному вопросу Е. В. Де-Роберти. Русский философ считал, что терминологию Конта нельзя сохранить еще и по той причине, «что в периоды господства теологии и метафизики специальные отрасли знания были переполнены, заимствованы у таких мировоззрений понятиями и объяснениями» [Там же].

Если говорить о мысли вообще, не распавшейся еще на философию, направленную на всеобщее, и специальные науки, изучающие ограниченные области, то есть в каком-то смысле – единичное, – считал Де-Роберти, – можно предположить, что философия проходит через три фазы развития, предложенные О. Контом. Однако необходимо учитывать, что существование мысли единой, недифференцированной есть гипотеза, не имеющая реального основания. «История застаёт человеческую мысль, уже раздвоившуюся на отрасли: научную и философскую» [Там же: 273]. С этой точки зрения закон трех состояний О. Конта является для Е. В. Де-Роберти, очевидно, лишь удобной формулой для выражения факта замещения не существующей еще научной философии характеристической смесью сначала теологических, а потом метафизических систем с положительными истинами. Следующей поправкой формулы О. Конта для Е. В. Де-Роберти было то, что существование

прямой генетической связи между первыми двумя умственными состояниями не дает права делать заключение о существовании такой же связи между ними и третьим состоянием или о том, что научная философия следует за метафизикой. Следовательно, утверждение Конта, что научная философия в своем развитии обусловлена метафизикой, для Де-Роберти неприемлемо.

Как выражение общего исторического факта Е. В. Де-Роберти признавал формулу О. Конта чрезвычайно важной, но сама по себе она остается необъяснимой. Конт, по его мнению, не мог, например, объяснить, почему за эпохой преобладающих теологических фикций и эпохой научных объяснений следует период, в котором верховное руководство умами принадлежит метафизике, или почему появляются метафизические гипотезы, если не считать таким разрешением ссылку на причины, глубоко скрытые в области психического неизвестного. Свой ответ Де-Роберти дает в «частном» законе метафизических типов, распространяя заключающиеся в нем объяснения на всю совокупность фактов, вошедших в состав формулы О. Конта. В результате получился «общий» закон соотношения между наукой и философией. Таким образом, идею отношения метафизических систем к опыту или философии к науке Е. В. Де-Роберти представил как общий «закон социологии». Новый «закон социологии», или, как иначе его называет ученый, «закон соотношения науки и философии», есть индуктивное распространение «закона трех типов метафизики» [Де-Роберти 1887: 292]. Оба закона, по мнению Де-Роберти, составляют дополнение и разъяснение закона трех состояний О. Конта.

Закон соотношения науки и философии не только определял взаимовлияние науки и философии, но и решал также «будущую судьбу метафизики». Что же понимал Е. В. Де-Роберти под понятием метафизики?

«В сознании позднейшего человечества метафизика во всех своих проявлениях получает значение глубоко одностороннего и ложного толкования суммы мировых явлений и становится не только философией эпохи незнания, но, в прямом и строгом смысле этого слова, и философией незнания» [Там же: 446]. Отличительной чертой метафизики, отмечал Е. В. Де-Роберти, всегда являлось отсутствие точных наблюдений в обширных областях природы. Другую, основную, бросающуюся в глаза черту философских учений прошедшего составляет крайняя односторонность. Третьей особенностью прежней философии Де-Роберти называет ее неподвижность

или, вернее, сравнительно медленный ход развития. Следует также отметить, что в развитии метафизических систем Де-Роберти выделял период возрастания и период упадка метафизики. Указанные периоды связывались с учением о теории познания. В первой фазе «концепт» непознаваемого оставался чуждым всем трем направлениям философской мысли. Этот период характеризовался как период «возрастания метафизики». Но с развитием положительного знания «все системы почти одновременно сознали свое конечное бессилие, осознание это у всех выразилось с возникновением или постепенным развитием теории непознаваемого» [Де-Роберти 1887: 446].

Е. В. Де-Роберти полагал, что возникновение и развитие «теории непознаваемого» явились одной из причин упадка философии. Другим показателем того, что метафизика все более и более теряет прежнюю твердую почву под ногами, стало смещение акцентов в рассмотрении априорной философии как творчества чисто эстетического, как особого рода поэзии, а не научного знания. Е. В. Де-Роберти понимал, что позитивизм в конце концов наносит удары не только исторической метафизике, но и всякой философии, в том числе и научной. Однако, желая спасти эту философию, или «положительную метафизику», он, тем не менее, отрицает важное значение для философии гносеологических вопросов, не хочет считаться с теорией позитивизма о недостаточности познавательных средств для разрешения философских проблем, с советом строгих позитивистов держаться полного нейтралитета в вопросах, выходящих за пределы опыта или наблюдения.

Постепенное отмирание метафизики может растянуться на неопределенное время, считал Е. В. Де-Роберти, может случиться, что процесс этот никогда не завершится. Метафизика должна уступить место новому «научному миропониманию». Какую же роль станет играть метафизика в образовании или возникновении философии наук? Станет ли она прямым и реальным источником научной философии? Де-Роберти явно не собирался определять для метафизики роль непосредственной родоначальницы научной философии. «Вопрос об отношении философии прошедшего к философии наук, или вопрос об истинном генезисе нового миропонимания должен быть разрешен в том смысле, что источником, прямым и реальным антецедентом научной философии является не метафизика в каком бы то ни было виде, а группа тех научных и частных истин, которые некогда легли в основу метафизической философии».

фии, которые служили ей точками исхода и опоры в течение всей ее истории и которые она, в силу глубоких психических и в особенности социологических причин, постоянно и систематически извращала» [Де-Роберти 1887: 446].

Е. В. Де-Роберти полагал, что метафизика не может дать научного объяснения мира по той простой причине, что многие основные науки не были еще определены, хотя в силу исторических условий метафизика постоянно и неразрывно соединялась с частной научной истиной. И тем не менее новое научно-философское знание не может основываться на метафизике, а должно опираться только лишь на отдельные научные данные, которые некогда легли в основу истин, подчеркивал ученый. Будущее принадлежит научному миропониманию, которое возникает на фундаменте философии специальных наук. При этом надо помнить, что если на развалинах метафизики образуется научная философия, то лишь под тем непременным условием, что в главные части нового здания не войдет ни один старый камень, ни один «обломок от прежних миропониманий» [Де-Роберти 1887: 232]. Разрушая старое здание метафизики, Е. В. Де-Роберти строит на ее обломках новое здание «положительной метафизики». Оно должно будет выстроено в новом стиле при помощи новых архитектурных приемов [Там же: 250]. В своем полном цельном виде метафизика должна была уйти в область прошлого.

В чем же преимущество этой новой философии, имеющей возможность возникнуть на развалинах метафизики, и каковы перспективы ее развития? Преимущество видится Е. В. Де-Роберти в том, что в ней не будет непроверяемых гипотез. Пока будет совершаться необходимый процесс дополнительного развития специальных наук, господство в области отвлеченной мысли удержится за научно-философскими системами, составляющими переходную ступень от метафизики к строго научной философии. Однако Де-Роберти не определяет продолжительности этой переходной фазы, а также не показывает, какой будет эта особая философия, какие специальные вопросы отойдут к ней от «частных наук». Но вместе с тем он настаивал на том, что «философия наук ни в коем случае не сделается наукой: она должна оставаться миропониманием». Таким образом, даже став философией наук, последняя остается, как прежде, миропониманием. Но если будущая философия основывается на научных данных и не имеет ничего общего с метафизическими гипотезами, то почему научная философия не может

стать наукой? Остался открытым вопрос: почему философия, приобретя статус философии наук, по-прежнему остается миропониманием?

Единственным предвестником философии наук Де-Роберти считал позитивизм, основной задачей которого являются: 1) умножение научного материала, в особенности в области биологии, социологии и психологии; 2) установление и разработка полного ряда специальных философий отвлеченных наук. При этом философия, которой принадлежит будущее, должна отказаться от априорного знания; для разрешения философских задач будет вполне достаточно опытного позитивного материала. «Научно-философские системы, напротив того, должны принципиально отказаться служить источником, снабжающим науки какими бы то ни было предложениями» [Де-Роберти 1887: 500].

Таким образом, даже позитивные философии не могут оказывать никакого влияния на науку, оставаясь противоположностью ей.

Е. В. Де-Роберти в итоге определил отношение философии и науки следующим образом: «Многовековая тяжба между наукой и философией привела, по-видимому, к полному поражению последней» [Его же 1915: 150]. Подобное отношение к истории философской мысли было характерно не только для Де-Роберти и его современников, но и для современных западных неопозитивистов. Так, Ф. Франк писал, «что современная наука несовместима с традиционными системами философии» [Frank 1949: 41]. С открытым отрицанием философии выступил Л. Витгенштейн, объявивший философскую проблематику не имеющей смысла и сводящей функцию философии к прояснению языка науки. С несколько иных теоретических позиций эту точку зрения пропагандировал также основоположник феноменологической философии Э. Гуссерль. Он отвергал всю предшествующую мысль как ненаучную по своему содержанию, исключая лишь отдельные попытки подойти к созданию философии как строгой науки [Гуссерль 1994: 129].

Небезынтересно отметить, что вопрос о цели изучения своей истории стоял не только перед историей философии, но и перед историей науки вообще, в особенности перед историей естествознания. Так, например, Б. Г. Кузнецов в специальной статье утверждал, что «без слияния современной науки с ее историей развитие современной науки невозможно», что «наука начинает требовать от себя самой ответа на вопрос о своих возможностях и находит его

в истории познания. Поэтому исторический анализ был и остается необходимой компонентой современной науки» [Кузнецов 1983: 41].

Подводя итоги, отметим следующее. «Научная философия» Е. В. Де-Роберти представляла собой философию, опирающуюся на науку, часто не идущую далее синтеза научных обобщений. Можно даже сказать: здесь больше интереса к «научному мировоззрению», чем к философии. Исходное убеждение Де-Роберти при решении вопроса взаимоотношения науки и философии определялось его верой в науку, его критицизмом, отрицанием философии. Вся эпоха ученого жила теми же умонастроениями. Большая часть русских позитивистов ограничивалась догматическим отрицанием метафизики, наивно полагая достаточным назвать последнюю пройденной ступенью развития, для того чтобы прекратить ее дальнейшее существование. Е. В. Де-Роберти без колебаний и сомнений присоединился к тому духу секуляризма, которым был насыщен XIX век.

Отчетливо представляя неполную совместимость собственных взглядов с контизмом, в конце 80-х гг. позапрошлого века философ объявил себя сторонником «не всякой метафизики», а «положительной метафизики», чем фиксировал свой переход к махизму и неокантианству.

Литература

Вернадский В. И. Научное мировоззрение // Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / сост. П. В. Алексеев. М. : Политиздат, 1990.

Грот Н. Отношение философии к науке и искусству. Киев: Варя, 1883.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск : Сагуна, 1994.

Де-Роберти Е. В. Наука и метафизика // Знание. 1875. № 8. С. 20–43.

Де-Роберти Е. В. Прошедшее философии. М. : Тип. В. В. Ислентьева, 1887.

Де-Роберти Е. В. Философия и ее задачи в XX веке // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы). 1915. Вып. 29. Т. 7. С. 146–254.

Зеньковский В. История русской философии. Л. : ЭГО, 1991.

Кузнецов Б. Г. Может ли современная наука быть объектом исторического анализа // Философские науки. 1983. № 1. С. 40–47.

Frank F. Modern Science and its Philosophy. London : Harvard University, 1949.